

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-97-108
УДК 32.019.51(045)

Сетевая аудитория политической повестки в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: цифровой портрет, мотивации и модели поведения*

Н.А. Тюков^а, Е.Р. Никулин^б, В.Л. Шаповалов^с

^{а, б, с} Московский педагогический государственный университет, Москва Россия; ^а Финансовый университет, Москва, Россия; ^с МГИМО МИД России, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению особенностей протестной и провластной сетевой аудитории, вовлеченной в белорусскую протестную повестку в 2020–2021 гг. Актуальность данной темы обуславливается схожестью экономического, социального и культурного пространства Республики Беларусь и Российской Федерации, что дает основание предполагать взаимодействие неконвенциональных российских политических акторов с похожими группами в нашей стране. Методика исследования носит гибридный характер и состоит из когнитивного картирования, автоматизированного социально-медийного анализа и глубинного интервью. В статье представлены результаты, полученные при реализации разработанной методики. В качестве перспективы данного исследования следует отметить разработку инструментария и схемы формирования выборочной совокупности для проведения массового опроса для определения соотношения выявленных нами мотиваций и моделей поведения среди сторонников протеста и власти.

Ключевые слова: Республика Беларусь; сетевое пространство; протестная волна; релевантный цифроток; сетевая аудитория; структура аудитории

Для цитирования: Тюков Н.А., Никулин Е.Р., Шаповалов В.Л. Сетевая аудитория политической повестки в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: цифровой портрет, мотивации и модели поведения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):97-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-97-108

ORIGINAL PAPER

Network Audience of Protest Agenda in the Republic of Belarus in 2020–2021: Digital Portrait, Motivation, and Behavioural Models**

N.A. Tyukov^а, E.R. Nikulin^б, V.L. Shapovalov^с

^{а, б, с} Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; ^а Financial University, Moscow, Russia; ^с MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents the study of the features of the protest and pro-government network audience involved in the Belarusian protest agenda in 2020–2021. The relevance of this topic is due to the similarity of the economic, social, and cultural space of the Republic of Belarus and the Russian Federation, which gives grounds to assume the interaction of unconventional Russian political actors with similar groups in our country. The research methodology is hybrid in nature and consists of cognitive mapping, automated social media analysis and in-depth interviews. The article presents the results obtained during the implementation of the developed methodology. As a prospect for this study, it should be noted the development of tools and a scheme for forming a sample population for conducting a mass survey to determine the ratio of the identified motivations and patterns of behaviour among supporters of protest and government.

Keywords: Republic of Belarus; network space; protest wave; relevant digital traffic; network audience; audience structure

For citation: Tyukov N.A., Nikulin E.R., Shapovalov V.L. Network audience of protest agenda in the Republic of Belarus in 2020–2021: Digital portrait, motivation, and behavioural models. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):97-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-97-108

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 21–011–31848 опн «Политический кризис в Белоруссии в 2020–2021 гг. (акторы, технологии, механизмы): вызовы для России».

** The study was carried out within the framework of the RFBR grant No. 21–011–31848opn “Political Crisis in Belarus in 2020–2021. (actors, technologies, mechanisms): challenges for Russia”.

Актуальность настоящего исследования обуславливается схожестью социально-экономической ситуации в Республике Беларусь (далее — РБ) и РФ, общностью языкового, исторического, а также информационного пространства, что способствует большему сближению ценностных и мировоззренческих особенностей граждан данных государств и их политического поведения. Подобного рода ситуация свидетельствует о высокой вероятности использования неконвенциональными политическими акторами стратегии мобилизации и масштабирования протестной волны для дестабилизации российского политического поля по белорусскому сценарию через формирование протестных установок у схожих групп российского населения.

Теоретическим объектом настоящего исследования является протест как массовое явление в части выражения в сетевом пространстве.

Предмет исследования — основные характеристики аудитории провластного и протестного цифровых потоков, посвященных событиям в РБ в 2020–2021 гг.

Эмпирический объект работы включает в себя релевантные тематике исследования цифровые потоки, состоящие из контента, продуцируемого как провластными и протестными медийными агентами, так и пользователями, вовлеченными в данную повестку; ответы респондентов в рамках глубинных интервью.

Целью данного исследования является портретирование пользователя, вовлеченного как в протестную, так и в провластную повестку в период с 01.06.2020 по 28.06.2021 г., в том числе — определение социально-демографических, языковых особенностей потребителей релевантного контента, их цифровой активности в сети и выявление мотиваций и моделей политического поведения.

Теоретическая база исследования состоит из работ М. Кастельса [1], П. Бергера и Т. Лукмана [2], Г. Рейнгольда [3] и Дж. Томпсона [4], с помощью которых мы определяем роль сетевого пространства в рамках неконвенциональных политических событий, а также исследований Е. В. Бродовской [5], А. Ю. Домбровской [6], А. А. Косорукова и В. С. Осипова [7], посвященных непосредственно изучаемому нами событийному ряду и позволяющих выявить особенности сетевого пространства РБ в контексте протестной волны в 2020–2021 гг. Также для выявления особенностей формирования массовой протестной повестки и механизмов

ее реализации считаем необходимым включить в теоретическую основу статьи работы Г. Лебона [8] и Х. Ортеги-и-Гассета [9].

Методологическая основа исследования состоит из двух научных подходов: сетевого, акцентирующего внимание исследователей политических процессов на роли сетевого пространства в их развитии, и когнитивной версии неонституционального подхода, определяющего в качестве ключевых мотиваций вовлечения пользователей в политическую активность не только рациональные, но и эмоциональные предпосылки.

Методика исследования носит гибридный характер и состоит из нескольких методов сбора эмпирических данных: когнитивного картирования, автоматизированного социально-медийного анализа и глубинного интервью.

Когнитивное картирование позволяет нам выявить реакцию пользователей на языковые и дискурсивные особенности контента, продуцируемого белорусскими политическими акторами, вовлеченными в повестку изучаемого событийного ряда, а также сформировать словарь поисковых запросов для реализации автоматизированного социально-медийного анализа. Матрица когнитивного картирования включает в себя следующие параметры: политическая позиция продуцента контента (два значения: «провластная позиция» и «протестная позиция»), дискурс единицы анализа, ее язык (три значения: «русский язык», «белорусский язык» и «английский язык»), число лайков и комментариев, а также семантическое ядро и дату публикации. Выборочная совокупность состоит из 668 исследовательских случаев, формировалась по принципу случайного отбора в рамках недельного интервала и квотировалась по политической ориентации продуцента и социально-медийной платформе (число контента распределялось по ним согласно степени их популярности и политизированности). Отдельного комментария требует параметр «Дискурс»: опираясь на трактовку дискурса П. Серио [10], в настоящем исследовании авторы рассматривают данную характеристику в качестве смыслового инструмента, позволяющего сетевым агентам путем актуализации определенных тематических блоков и интерпретации событийного ряда манипулировать мнением потребителей контента.

Автоматизированный социально-медийный анализ осуществлялся нами с помощью IQ Buzz. Матрица включала в себя следующие параметры: вес, пол, возраст (моложе 16 лет — 1; 16–25 лет —

2; 26–35 лет — 3; 36–45 лет — 4; 46–55 лет — 5; 56–65 лет — 6, старше 65–7), география (шесть областей РБ) и тип контента (бинарная шкала: комментарий рассматривается в качестве продукта вовлеченных в цифрпоток потребителей, а пост — результат активности сетевых агентов политических акторов).

Метод *глубинного интервью* реализовывался в онлайн-пространстве. Выборочная совокупность — 50 респондентов, которые отбирались в равной пропорции в провластных и протестных сообществах (по 25 чел.), т.е. интервьюировались только активно вовлеченные в повестку. В рамках интервью применялись ассоциативные и экспрессивные методики, сочетающие картиночные тесты с интервью по гайду. Респондентам предлагалось сначала выбрать вариант ассоциативной картинки, картинки-ситуации, затем объяснить, почему ими был сделан подобный выбор, а также описать собственное эмоциональное состояние. Отбор ассоциативных картинок и картинок-ситуаций проходил апробацию на фокус-группе, численностью 10 чел.

Первоочередной задачей в рамках данного метода является определение позиции респондента в белорусских политических процессах и его мотивации, приемлемой стратегии политической активности и ее обоснования.

В рамках **ассоциативного блока** участникам предлагалось выбрать референтный образ: успешного президента РБ, протестующего, приемлемые модели поведения, а затем выявить мотивации подобного выбора. Для определения наиболее привлекательного образа президента РБ нами были отобраны изображения, отражающие сложившиеся или формируемые образы политиков, стремящихся возглавить соседнее государство. Данные образы: «отец-кормилец», «мудрец», «мудрая мать» и «дева». Образы протестующих формировались с опорой на различные сегменты их политической активности («мыслитель», «защитник», «разрушитель» «нарцисс») и находили свое выражение в картинках, содержащих разные виды деятельности одного персонажа. Для выявления приемлемых моделей поведения в рамках протестной активности была составлена шкала картинок, отражающих неконвенциональное поведение как протестных, так и провластных активистов, их конвенциональное поведение, а также отстраненное наблюдение за релевантной повесткой.

Экспрессивный блок глубинного интервью состоял из анализа ситуации, отраженной на картин-

ке, и просьбы к респонденту описать свое место на этой картинке, роль, эмоциональное состояние и стратегию поведения. Данный раздел глубинного интервью включал в себя 6 вопросов, носящих бинарный характер (ситуации, позитивно влияющие на восприятие провластной и протестной риторики) и дифференцированных по степени их конвенциональности (от мирной акции протеста до жертв со стороны протестующих и правоохранителей).

Собранная эмпирическая база была проанализирована с помощью осевого, кросс-табуляционного, корреляционного анализа, определения средних, а также когнитивного картирования.

Результаты анализа структурированы по следующим сегментам:

- 1) выявление и сравнение основных территориальных, демографических (возраст, пол, регион) и языковых характеристик вовлеченной аудитории;
- 2) определение ведущих характеристик цифрового поведения потребителей релевантного контента;
- 3) описание референтных моделей поведения в совокупности с мотивационными установками.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АУДИТОРИИ

Анализ **возрастного параметра** (превалирующая возрастная группа, продуцирующая релевантный контент, *рис. 1*) показывает, что основная аудитория, вовлеченная как в провластную, так и протестную коммуникацию, схожа и представлена преимущественно пользователями в возрасте от 26 до 35 лет (значение «3»).

Половая структура аудитории (*рис. 2*) провластного и протестного цифрпотоксов схожа: на протяжении большей части анализируемого нами событийного ряда половое соотношение распределяется в равных пропорциях с превалированием одного или другого пола не более чем на 15%.

Примечательно, что пропорция мужских и женских профилей пользователей в обоих информационных потоках изменяется преимущественно синхронно, что указывает на единую ценностную базу пользователей, вовлеченных в них (триггеры, побуждающие пользователей оценивать событие, идентичны).

Анализ **территориального распределения** пользователей цифрпотоксов позволяет определить факт наличия (отсутствия) эпицентра протестной активности и ее периферии. Согла-

Рис. 1 / Fig. 1. Возрастные характеристики продуцентов релевантного цифротока / Age characteristics of the generators of the relevant digital stream

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

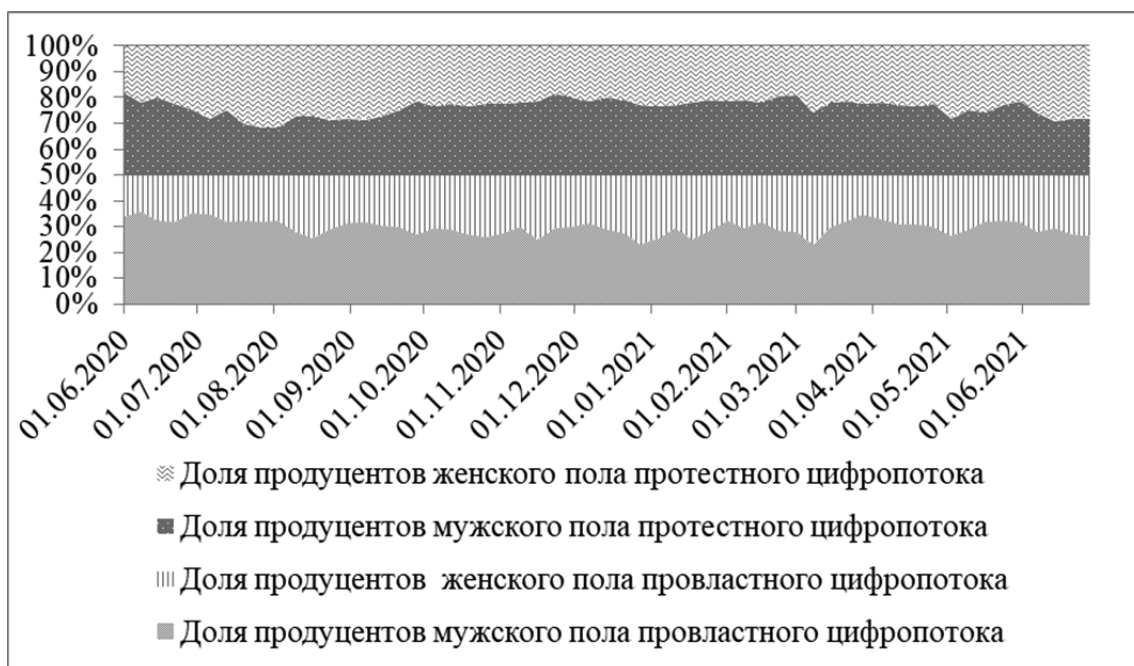

Рис. 2 / Fig. 2. Половые характеристики продуцентов релевантного цифротока / Sex characteristics of the generators of the relevant digital stream

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

сно данным, представленным в табл. 1, соотношение численности населения регионов РБ и распределение веса провластного и протестного цифротоков пропорционально с незначительными отклонениями. Подобного рода ситуация показывает, что протест не имел демографически обусловленного эпицентра и являлся равномерно распределенным.

Следовательно, территориальные и демографические показатели аудитории как протестного, так и провластного цифротоков схожи, что позволяет предполагать, что протест не носил территориального (поскольку нет противостояния центра и периферии), поколенческого и полового (так как половозрастная структура идентична) характера.

Таблица 1 / Table 1

Региональные характеристики релевантного цифротока / Regional characteristics of the relevant digital stream

Показатель	Минская область и город Минск	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Могилевская область
Вес релевантного цифротока, %	Провластный цифротока 42	Провластный цифротока 11	Провластный цифротока 11	Провластный цифротока 18	Провластный цифротока 9	Провластный цифротока 9
	Протестный цифротока 41	Протестный цифротока 11	Протестный цифротока 12	Протестный цифротока 17	Протестный цифротока 9	Протестный цифротока 10
Население, %	37	15	12	15	11	11
Вес релевантного цифротока	Число единиц анализа, сегментированного по областям РБ (однозначно геолоцированного) Вес провластного внутреннего цифротока = 53 576 Вес протестного внутреннего цифротока = 83 849					

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Отдельно необходимо рассмотреть **языковые предпочтения пользователей**, поскольку языковая специфика была ярко выражена в части дискурсов в исследуемый период.

Контент, продуцируемый провластными агентами, был полностью на русском языке, что естественно для его потребителей.

Цифровой менеджмент протестных цифровых агентов в языковом аспекте разнообразнее: активно использовался не только русский, но и белорусский, английский языки, доля контента на которых на некоторых этапах изучаемого событийного ряда доходила до 2/3 от общего объема. Однако реакция аудитории свидетельствует, что подобная языковая стратегия не оправдала ожиданий неконвенциональных политических акторов: среднее число лайков и комментариев на единицу контента: русскоязычного (1969 и 223 соответственно), белорусскоязычного (197 и 17 соответственно) и англоязычного (13 и 0 соответственно). Это показывает, что мотивы вовлеченных в протестную повестку не носят культурно-языкового характера, несмотря на то, что дискурсивное поле протестных сетевых агентов формировалось преимущественно из проблематики языкового вопроса, исторической и культурной идентичности, самости белорусской нации.

Таким образом, аудитория обоих цифротоков по территориальным, половозрастным и языковым характеристикам является достаточно однородной.

Анализ **ведущих характеристик цифрового поведения потребителей релевантного контента** позволяет определить уровень активности и степень вовлеченности в повестку, одобряемые и актуальные дискурсивные триггеры.

Как видно из *рис. 3, комментарии* преобладают на большей части хронологического ряда протестной волны. Это свидетельствует о высоком уровне вовлеченности пользователей в повестку протеста. Исходя из низкой амплитуды динамики возрастного параметра, следует полагать, что комментарии носили стихийный характер, что дополнительно указывает на высокую активность пользователей.

Также необходимо подчеркнуть, что корреляция изменчивости долевого соотношения комментариев и постов провластного и протестного цифротоков оценивается как высокая, что позволяет отметить схожесть **триггеров** для аудиторий, вовлеченных в повестку, а также их ценностных ориентаций.

Согласно динамике коэффициента вовлеченности, дающей возможность определить **цифровую активность белорусов** в сетевом пространстве в период протестной волны, до завершения периода эскалации вовлеченные в протестную повестку являлись активными комментаторами, как и потребители провластного контента, а после октября 2020 г. первые стали активно лайкающими, а вторые существенно снизили цифровую деятельность в рамках провластного цифротока.

Рис. 3 / Fig. 3. Долевое соотношение типов релевантного цифрпоттока / Share ratio of relevant digital stream types

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Для более подробного описания портрета провластной и протестной аудиторий в общем дискурсивном поле были выявлены одобряемые и актуальные **дискурсивные триггеры** (табл. 2).

В качестве дискурсивных триггеров отбирались дискурсы, набравшие 3/4 от максимального среднего числа лайков и репостов на один дискурс (более 3000 лайков и 500 комментариев). Дискурсивные триггеры были разделены на одобряемые и актуальные, исходя из характера реакции. Лайки и комментарии имеет несколько разные интерпретации реакции пользователей: лайк следует рассматривать в качестве сугубо одобрительного отношения потребителя к обозначенному дискурсу, а комментарий указывает на его актуальность, но не на безусловную симпатию к дискурсу.

Как видно из данных, представленных в табл. 2, одобряемые и актуальные дискурсивные триггеры в протестном цифрпоттоке идентичны и сосредоточены на дискредитации А. Лукашенко. Подобного рода ситуация указывает на успешный отбор транслируемых дискурсов протестными сетевыми агентами: они формируют актуальное для пользователей дискурсивное поле и успешно интерпретируют его в соответствии с запросом их аудитории. Однако стоит отметить, что из всего многообразия сформированной протестной дискурсивной

повестки успех у пользователей она получила только в сегменте дискредитации А. Лукашенко. Например, национально ориентированный ее сегмент не получил существенного отклика потребителей контента, что еще раз подтверждает тезис о единстве ценностного и языкового пространства вовлеченных в протест.

Сегменты провластных дискурсивных триггеров различаются, что свидетельствует о низкой степени эффективности встраиваемого цифрового менеджмента по дискурсивному полю.

Следует отметить, что большинство дискурсивных триггеров возникло в протестном сегменте цифрпоттока, что подтверждает высказанный выше тезис о цифровой активности потребителей протестного контента.

Для описания **референтных моделей поведения в совокупности с мотивационными установками** на основании анализа ответов респондентов в рамках глубинного интервью была построена смысловая карта (рис. 4, 5). В рамках ассоциативного блока определяются наиболее привлекательные для респондентов черты политического пространства (образ президента, протестующего, политической активности), отношение к различным моделям поведения в рамках протестной повестки в установленной ситуации и объяснение такого выбора.

Таблица 2 / Table 2

Дискурсивное поле релевантного цифротока / Discursive field of the relevant digital stream

Триггеры	Среднее число лайков (более 3000)	Среднее число комментариев (более 500)
Триггеры провластного цифротока	Агитация за Лукашенко (он мудрец); Протестующие разрушают страну	Дискредитация протестующих (их очень, очень мало, и они не имеют широкую социальную базу); ОМОН – люди (гуманизация, акцент на их чувства)
Триггеры протестного цифротока	Принятие репрессивных законов. Лукашенко – узурпатор власти. Призыв к более активному протесту. Часть служащих системы на стороне протестующих (нет единства в стране, Лукашенко не контролирует ситуацию). Лукашенко не актуален. Дискредитация Лукашенко (нет порядка в стране, меры правительства только все усугубляют, широкая социальная база протеста)	Принятие репрессивных законов. Лукашенко – узурпатор власти. Призыв к более активному протесту. Часть служащих системы на стороне протестующих (нет единства в стране. Лукашенко не контролирует ситуацию). Дискредитация Лукашенко (он лгун). Дискредитация Лукашенко (нет порядка в стране, меры правительства только все усугубляют, широкая социальная база протеста)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

При анализе полученных данных респонденты были **сегментированы на три группы** относительно уровня и направленности вовлеченности в повестку. Примечательна следующая ситуация: если интервьюируемые подписчики провластных сообществ всегда открыто говорили о своей политической позиции, то среди участников протестно направленных сообществ была велика доля респондентов, скрывающих свои политические предпочтения и положительное отношение к протесту.

В рамках данной дифференциации были определены **наиболее приемлемые для представителей группы** образ успешного президента РБ протестующего, а также позиция представителя группы «внутри» событий в РБ в 2020–2021 гг.

Это позволяет определить успешные и неудачные стратегии по формированию имиджа белорусских политических акторов.

Для оценки **образа успешного президента РБ** в рамках тестового фокус-группового исследования нами были определены 4 изображения, соответствующие уже сформированному и конструируемому образу А. Лукашенко и С. Тихановской. Отметим, что в большинстве случаев респонденты с провластной позицией выбирают именно «мудреца» и «хозяйственника» в качестве приемлемых образов президента соседнего государства, что свидетельствует об эффективности выработанной имиджевой модели А. Лукашенко. По результатам тестов фокус-группового исследования олицетворением С. Тихановской был определен персонаж «дева». Но

он не был выбран респондентами ни в одном из глубинных интервью, а формируемый протестными сетевыми агентами образ С. Тихановской как «мудрой матери» не воспринимался среди протестно ориентированных интервьюируемых. Следовательно, необходимо отметить, что образ политического лидера протеста не был положительно воспринят даже гражданами РБ, разделяющими протестные установки.

Выявление основных черт **образа протестующего** и отношение респондентов к ним показало, различное восприятие, зависящее от предпочтительного образа успешного президента.

По результатам фокус-групп нами был сформирован набор изображений, характеризующих образ протестующего: «мыслитель», «защитник», «разрушитель», «нарцисс». Последний вариант не был выбран ни одним респондентом, что свидетельствует о восприятии деятельностного образа участника протеста.

Примечательно, что «мыслитель» оказался наиболее привлекательным для представителей преимущественно протестной аудитории, выбравших в качестве успешного президента образы «отец-кормилец» (хозяйственник) и «мудрая мать». Это указывает на оценку протеста как созидательного — если данное событие имеет «идею», «смысл».

Интервьюируемые, обозначившие в качестве успешного президента РБ «мудреца» (образ, преобладающий у провластных респондентов) вос-

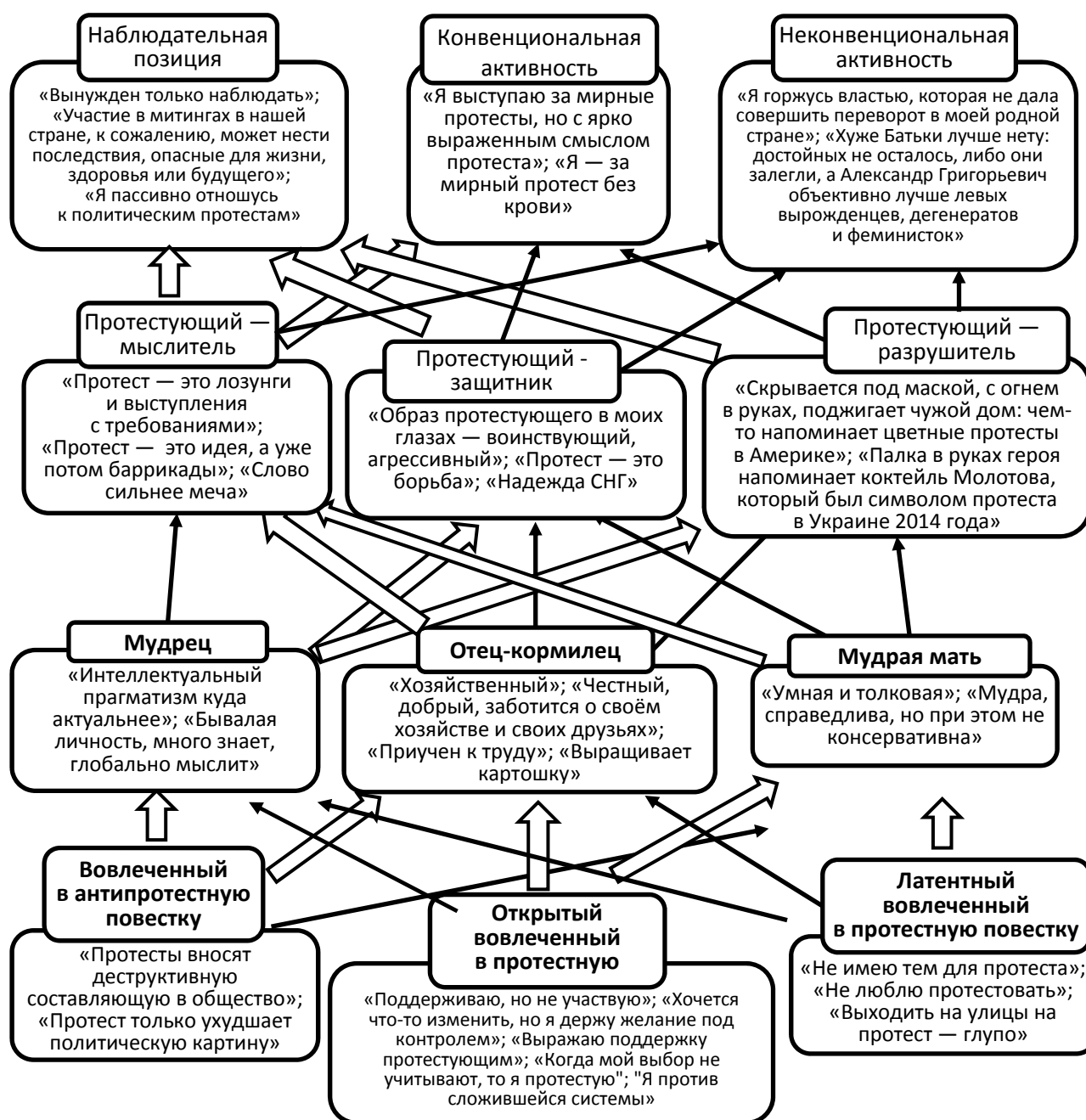

Рис. 4 / Fig. 4. Смысловая карта ответов респондентов (ассоциативный блок) / Semantic map of respondents' answers (associative block)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание: указаны: основные параметры, выявленные нами в ходе фокус-группового тестирования инструментария и представленные в качестве ассоциативных картинок; фразы интервьюируемых, отражающие их мотивационные и поведенческие особенности. Толщина связей характеризует преобладающие модели для респондентов.

принимают протестующего в качестве угрозы. Это или «протестующий-разрушитель» (ассоциации с США и Украиной), или «защитник» чуждых интересов и «воинственный» и «агрессивный» борец.

Опираясь на это, логично отметить, что если респонденты, разделяющие протестные установки, хотят видеть в протестующих людей, формирующих идеи изменений в стране, то про-

ластные — угрозу стране и личной безопасности, что коррелируется с дискурсивными триггерами, представленными в табл. 2.

Наиболее приемлемой моделью поведения для респондентов обеих политических позиций является наблюдение.

Респонденты, вовлеченные в протестную сетевую повестку, не в последнюю очередь занимают

такую позицию из страха за свободу, жизнь и будущее. Они теоретически готовы к активным действиям, но обуславливают свое участие наличием проработанной идеи («не протест ради протеста, а протест ради чего-то реального») и мирным характером протеста. Ситуация с выбором респондентами в качестве «правильного» протестующего «мыслителя» имеет обратную корреляцию с дискурсивными триггерами (табл. 2), что указывает на «идейный голод» белорусского протеста.

Более интересная ситуация с провластными интервьюируемыми: несмотря на то, что образ протестующего у них связан с социальными потрясениями, наиболее приемлемой моделью поведения для них является наблюдение («моя хата с краю»).

Полученные мотивационные и поведенческие модели [рис. 5, смысловая карта (экспрессивный блок)] показывают, что мирный характер протеста является наиболее приемлемым для протестно ориентированных респондентов, что соотносится с наблюдательной позицией и конвенциональным характером политического поведения. Более того, данная позиция сохраняется и при проявлении жесткости со стороны правоохранителей: интервьюируемых возмущает ситуация «избиение протестующего», но призыв к активным действиям против правоохранителей («месть» и «справедливое наказание») встречался крайне редко. В целом, респонденты, являющиеся потребителем протестного контента, настроены на конвенциональный характер поведения, а основным мотивом поведения является стремление к справедливости.

Провластные респонденты чаще выражают агрессивное отношение к мирно протестующим, одобрение проявления жесткости к ним со стороны правоохранителей, но сохраняют при этом четкую позицию «наблюдателей-болельщиков».

Примечательно, что подавляющее большинство респондентов с состраданием относятся к любым жертвам событий. Большинство из интервьюируемых, описывая свое эмоциональное состояние и модель поведения отмечали, что наиболее приемлемое для них — помощь пострадавшему вне зависимости от его роли (правоохранитель или протестующий), что свидетельствует о позитивной тенденции: степень дихотомичности «свой-чужой» в контексте протестных событий ниже гуманистического, человеческого начала.

На основе полученных и описанных выше результатов можно сделать следующие **выводы**:

- По территориальным и демографическим показателям провластная и протестная аудитории схожи, что свидетельствует о том, что протест не носил поколенческий, половой или региональный характер.

- Языковые предпочтения аудитории также указывают на единообразие потребителей провластного и протестного контента, что следует рассматривать в качестве аргумента против культурного, цивилизационного противостояния в рамках протестной волны;

- Цифровое поведение пользователей, вовлеченных в протестный и провластный цифровые потоки, на этапе эскалации схоже: потребители являлись активными комментаторами, о чем свидетельствует доля комментариев в релевантном информационном потоке, а также его вес (более 20 000 единиц анализа еженедельно). Однако по прошествии данного периода цифровая активность протестно ориентированных пользователей сменилась на лайки, а потребители провластного контента снизили цифровую активность (без комментариев и лайков).

- Высокая степень корреляции динамики соотношения комментариев и постов в провластном и протестном цифровых потоках свидетельствует о схожести событийных триггеров, побуждающих пользователей к комментаторской активности, а также о схожести ценностных ориентаций протестной и провластной аудиторий.

- Успешно воспринятым потребителями сегментом дискурсивного поля является только пул дискурсов, посвященных дискретизации образа А. Лукашенко. Остальные дискурсы, сформированные протестными сетевыми агентами, следует считать неэффективными. Смысловой конфликт можно охарактеризовать как абстрактно-оценочный (хороший/плохой) с низким уровнем аргументации.

- Наиболее приемлемыми в сознании преобладающего числа респондентов являются образы, отображающие стабильное и безопасное развитие («отец», «мать», «мыслитель»), что свидетельствует о запросе общества (как со стороны провластно, так и протестно настроенных) на социальное благополучие и уверенность в будущем.

- В рамках политической активности наиболее предпочтительной моделью поведения, как для протестно, так и для провластно ориентированных, является наблюдение. При появлении жертв или жесткости (с любой стороны) мотивы

Рис. 5 / Fig. 5. Смысловая карта ответов респондентов / Semantic map of respondents' answers

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

сострадания и помощи пострадавшим преваляют в подавляющем большинстве случаев над политическими воззрениями респондентов.

На наш взгляд, актуальной перспективой настоящего исследования является составление инструментария и схемы формирования выбо-

рочной совокупности для реализации массового опроса (в онлайн- или офлайн-формате) с целью выявления соотношения мотивации и моделей поведения среди сторонников протеста и власти с образами политической действительности, которым они симпатизируют.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Castells M. The Rise of the network society. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf>
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995.
3. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. Пер. с англ. М.: ГРАНД-ФАИР; 2006.
4. Thompson J.V. Political scandal: power and visibility in the media age. Cambridge: Polity; 2000.
5. Бродовская Е.В. Массовые политические протесты в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: причины возникновения, социальная база, цифровая инфраструктура. *Журнал политических исследований*. 2021;5(1):23–35. DOI: 10.12737/2587–6295–2021–5–1–23–35
6. Домбровская А.Ю., Никулин Е.Р. Медийная инфраструктура протеста в «новых» медиа на примере белорусского кейса (декабрь 2019 года): структура, каналы, смыслы, технологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediynaya-infrastruktura-protesta-v-novyh-media-na-primere-belorusskogo-keysa-dekabr-2019-goda-struktura-kanaly-smysly-tehnologii>
7. Косоруков А.А., Осипов В.С. Механизмы социально-политической мобилизации молодежи на примере российских, белорусских и китайских телеграмм-каналов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-sotsialno-politicheskoy-mobilizatsii-molodezhi-na-primere-rossiyskih-belorusskih-i-kitayskih-telegram-kanalov>
8. Лебон Г. Психология масс и народов. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал*. 1995;(2):166–189.
9. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство; 1991.
10. Сериио П. Как читают тексты во Франции. М.: Прогресс; 1999.

REFERENCES

1. Castells M. The Rise of the network society. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf>
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. (In Russ.).
3. Reingold G. Smart crowd: a new social revolution. Transl. from English. Moscow: GRAND-FAIR; 2006. (In Russ.).
4. Thompson J.V. Political scandal: power and visibility in the media age. Cambridge: Polity; 2000.
5. Brodovskaya E.V. Mass political protests in the Republic of Belarus in the summer-autumn of 2020: causes, social base, digital infrastructure. *Journal of Political Studies*. 2021;5(1):23–35. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587–6295–2021–5–1–23–35
6. Dombrovskaya A. Yu., Nikulin E.R. Media infrastructure of protest in the “new” media on the example of the Belarusian case (December 2019): structure, channels, meanings, technologies. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediynaya-infrastruktura-protesta-v-novyh-media-na-primere-belorusskogo-keysa-dekabr-2019-goda-struktura-kanaly-smysly-tehnologii>. (In Russ.).
7. Kosorukov A. A., Osipov V.S. Mechanisms of socio-political mobilization of youth on the example of Russian, Belarusian and Chinese telegram channels. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-sotsialno-politicheskoy-mobilizatsii-molodezhi-na-primere-rossiyskih-belorusskih-i-kitayskih-telegram-kanalov>. (In Russ.).
8. Lebon G. Psychology of masses and peoples. Social and human sciences. *Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology. Abstract journal*. 1995;(2):166–189. (In Russ.).
9. Ortega y Gasset X. Aesthetics. Philosophy of culture. Moscow: Art; 1991. (In Russ.).
10. Serio P. How texts are read in France. Moscow: Progress; 1999. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никита Анатольевич Тюков — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; доцент департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3916-2205>
niktuk@mail.ru

Егор Романович Никулин — магистрант исторического факультета Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3431-9031>
egor.nikulin.98@bk.ru

Владимир Леонидович Шаповалов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2223-943X>
vladshapovalov@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nikita A. Tyukov — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Sciences, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3916-2205>
niktuk@mail.ru

Egor R. Nikulin — Master's student, Faculty of History, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3431-9031>
egor.nikulin.98@bk.ru

Vladimir L. Shapovalov — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO(U)), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2223-943X>
vladshapovalov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Тюков Н.А. — разработка общей концепции исследования, глубинное интервью, интерпретация данных.
Никулин Е.Р. — социально медийный анализ, глубинные интервью, когнитивное картирование.
Шаповалов В.Л. — анализ и интерпретация данных.

Authors' declared contributions:

Tyukov N.A. — development of the general concept of the study, in-depth interviews, data interpretation.
Nikulin E.R. — social media analysis, in-depth interviews, cognitive mapping.
Shapovalov V.L. — data analysis and interpretation.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 05.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.